

пол, в кучи»¹⁸⁹. Необходимо добавить, что в это время самого библиотекаря — П. С. Сергеева — вообще не было в Казани: в начале 1825 г. он уехал в отпуск на пять месяцев, никому не сдав библиотеки.

Беспорядок еще более усилился после 18—21 сентября, когда приехавший в Казань попечитель приказал перенести все книги в новое помещение. Впоследствии ректор К. Ф. Фукс писал: «Магницкий... принял на себя непосредственное распоряжение библиотекою без всякого сношения со мной и исправлявшим должность библиотекаря Кондаковым созвал студентов и инвалидов и приказал поспешно переносить библиотеку из попечительского дома в главный корпус без всяких предосторожностей от расхищения...»¹⁹⁰.

Не изменило положения дел и избрание в октябре 1825 г. библиотекарем Н. И. Лобачевского. Сергеева, который должен был сдать фонд, все еще не было в Казани. Магницкий же в обход и библиотекаря Лобачевского, и его помощника Кондакова, поручает библиотеку в январе 1826 г. исключительно своему фавориту И. Ф. Краузе, «который без всякой предварительной поверки по каталогам приступил к классификации и, следовательно, к уничтожению даже возможности наблюдения за целостью библиотеки по нумерам»¹⁹¹.

О результатах всех этих поспешных и непродуманных работ лучше всего говорит донесение Лобачевского, написанное 18 октября 1826 г. после снятия Магницкого с поста попечителя: «Для поверки библиотеки остается одно средство: привести ее в прежний порядок по фундаментальным каталогам»¹⁹². Таким плачевным финалом закончилось осуществление «прожекта» М. Л. Магницкого.

Можно сказать, что годы, когда Казанским учебным округом управлял этот фанатик и реакционер, были для библиотеки самыми трудными и в то же время бесплодными — и в смысле пополнения фондов, и в смысле их организации.